

Первые лица

Лев Троцкий

СТАЛИН

Том II

Игры власти

Лев Давидович Троцкий Сталин. Том II

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=177742

Л. Троцкий. Сталин. Том 2:

Аннотация

Сколько бы ни издали еще книг об Иосифе Виссарионыче – все они будут вызывать споры и обвинения в необъективности. Такой он был человек (а может, и не человек, нелюдь или монстр?). Однако мемуары Льва Троцкого занимают особое место среди огромного количества книг о Сталине. Прежде всего потому, что, в отличие от других авторов, Лев Давидович много лет знал его лично и был непосредственным участником описываемых событий.

Неумолимый и надежный как ледоруб принцип «нет человека – нет проблемы» не позволил Троцкому дописать книгу до конца, но даже то, что удалось опубликовать, вызвало потрясение и у сторонников Сталина, и у его ярых противников. Почему? Да потому, что и те, и другие прекрасно понимают: товарищ Сталин все еще с нами!

Содержание

СТАЛИН В РЕВОЛЮЦИИ	4
СТАЛИН В НАРКОМНАЦЕ	36
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Л. Троцкий

Сталин. Том 2

СТАЛИН В РЕВОЛЮЦИИ

20 октября происходит исключительно важное заседание ЦК, где разрешается вопрос о поведении или о штрейкбрехерстве Каменева и Зиновьева. Ленин предлагает исключить их из партии, Дзержинский предлагает потребовать от Каменева полного отстранения от политической деятельности, принимая во внимание, что Зиновьев без того скрывается и в партийной работе участия не принимает.

Сталин считает, что предложение Ленина должно быть разрешено на пленуме и предлагает в данный момент не решать. Против членов ЦК, поддерживающих решительные меры против Каменева и Зиновьева, Сталин возражает, что «Каменев и Зиновьев подчинятся решению ЦК», доказывает, что все наше положение противоречиво и считает, что исключение их из партии нецелесообразно, нужно сохранять единство партии; предлагает обязать этих двух товарищей подчиниться, но оставить их в ЦК. Сокольников сообщает, что не принимал участия в заявлении от редакции по поводу писем Зиновьева и т. п. и считает это заявление ошибочным. Принимаются решения: принять отставку Каменева.

«За» – 5 голосов, «против» – 3, в том числе и Сталин. «Вменяется Каменеву и Зиновьеву в обязанность не выступать с заявлениями против решения ЦК». «За» – шесть, два – воздерживаются, в том числе Сталин. После этих двух голосований, гласят протоколы, «Сталин заявляет, что выходит из редакции», чтобы избежать полного кризиса, Центральный Комитет не входит в обсуждение заявления Сталина в «Правде» и, не принимая его отставки, переходит к очередным делам. На заседании ЦК 21 октября 1917 года, по предложению Дзержинского, для укрепления работы Исполнительного Комитета Совета, решено ввести в его состав для работы десять видных большевиков, в том числе и Сталина. Решение это осталось на бумаге; Сталин не принимал в работах Исполнительного Комитета ни малейшего участия.

21 октября ЦК обсуждает вопрос о подготовке к предстоящему съезду Советов. Намечен дух вопросов, по которым шли тезисы и доклады. Тезисы о земле, о войне, о власти поручено составить Ленину, доклад о текущем моменте – Троцкому, о рабочем контроле – Милютину и о национальном вопросе – Сталину.

После переворота по настоянию правого крыла большевиков (Зиновьева, Каменева, Рыкова, Луначарского и других) велись переговоры с меньшевиками и народниками о коалиционном социалистическом правительстве. В качестве одного из условий низвергнутые восстанием партии требовали себе большинства и сверх того устранения из прави-

тельства Ленина и Троцкого, как «виновников октябрьской авантюры». Правые члены ЦК склонялись к принятию этого требования. Вопрос обсуждался в ЦК в заседании 1 ноября. Вот что гласит протокол: «Предложено исключить Ленина и Троцкого. Это предложение обезглавить нашу партию, и мы его не принимаем». Готовность правых идти на уступки (фактическую сдачу власти) ЦК заклеил как «боязнь советского большинства использовать свое большинство».

Большевики не отказывались делить власть с другими партиями, но лишь на основе соотношения сил в Советах. Ленин заявил, что переговоры с мелкобуржуазными партиями имели смысл лишь как прикрытие военных действий. Дмитриевский пишет:

"Пренебрежительно, свысока ведут переговоры вожди соглашательских партий. Ставят твердое условие: в коалиционном правительстве не должно быть ни Ленина, ни Троцкого – «виновников октябрьской авантюры», как они их называют. Председателем правительства до Учредительного собрания должен быть Чернов или Авксентьев. А там... большевики вообще сойдут со сцены.

Каменев, ведущий переговоры, готов на все. Что ему Ленин, что Троцкий, что вся линия большевиков, что пролитая в октябре и безостановочно льющаяся и сейчас кровь!

Но у Ленина твердая рука. И вокруг него – крепкое ядро таких же, как он, решительных и непримиримых людей. Каменеву дают нахлобучку. Отзывают. Вместо него посылают-

ся Свердлов и Сталин, которые выступают резко, непримиримо. Переговоры срываются. Тогда Каменев, Зиновьев, Рыков, Ногин, Милютин, Рязанов, Теодорович, Ларин, Юренев и другие – члены ЦК, наркомы, руководители важнейших учреждений заявляют о своем уходе".

Принимается резолюция Троцкого о перерыве переговоров с соглашателями. Сталин не участвует в прениях, но он с большинством. Представители правых выходят в виде протеста из ЦК и из правительства. Большинство ЦК обращается к меньшинству с требованием безусловного подчинения дисциплине партии. Под ультиматумом подписываются десять членов и кандидатов ЦК: Ленин, Троцкий, Сталин, Свердлов, Урицкий, Дзержинский, Иоффе, Бубнов, Сокольников, Муралов. О происхождении документа один из членов ЦК, Бубнов, рассказывает следующее:

«Ленин 16 (3) ноября составил текст заявления в Центральный Комитет, где резко критиковалась политика соглашательства и бесконечных колебаний. Написав его, он приглашал в кабинет к себе отдельно каждого из членов Центрального Комитета, знакомил их с текстом заявления и предлагал подписать его. Под заявлением подписалось большинство членов Центрального Комитета, если не ошибаюсь, 17 (4) ноября оно было оглашено». («Известия ЦИК» № 256, 6–7 ноября 1927 г.)

Рассказ интересен в том отношении, что позволяет правильно оценить значение порядка подписей. Ленин прежде

всего показывает свой проект ультиматума Троцкому и, заручившись его подписью, вызывает остальных, начиная со Сталина. Так было всегда или почти всегда. Если б документ не был направлен против Зиновьева и Каменева, их подписи стояли бы, вероятно, до подписи Сталина.

Уже знакомый нам Пестковский рассказывает, что в октябрьские дни «необходимо было выделить из среды ЦК группу для руководства восстанием – выделенными оказались Ленин, Сталин и Троцкий». Отводя руководство восстанием этим трем лицам, отметим мимоходом, сотрудник Сталина окончательно хоронит тот практический «центр», куда ни Ленин, ни Троцкий не входили. В показаниях Пестковского есть на этот раз ядро истины. Не в дни восстания, а после его победы в важнейших центрах, но до установления сколько-нибудь правильного режима, необходимо было создать тесный партийный штаб, который мог бы на месте принимать все нужные решения. Участие в этом штабе Ленина и Троцкого предполагалось само собою. Но нужен был третий. Ни Зиновьев, ни Каменев для этого не годились, к тому же они сами находились в состоянии восстания против ЦК. Выбор оставался между Сталиным и более молодым Свердловым.

29 ноября (12 декабря) ЦК избрал, как гласит протокол, для разрешения неотложных вопросов бюро в составе четырех человек: «Сталин, Ленин, Троцкий и Свердлов... Этой четверке предоставляется право решать все экстренные де-

ла, но с обязательным привлечением к решению всех членов ЦК, находящихся в этот момент в Смольном». В этот период Зиновьев, Каменев и Рыков из-за острых разногласий вышли из состава ЦК. Этим объясняется состав четверки. Свердлов был, однако, поглощен секретариатом партии, выступал на собраниях, улаживал конфликты и редко бывал в Смольном. Четверка практически свелась к тройке. Естественно, если каждый из членов тройки ограничивал при каждом своем шаге мнение двух других членов. Таково происхождение фразы Ленина, которой придается ныне столь преувеличенное значение.

Бичуя политику большевиков после 1917 года, Иремашвили пишет: «Исполненный ненасытной местью триумvirат начал в бесчеловечной жестокости истреблять все живое и мертвое» и т. д. Под триумvirатом Иремашвили понимает Ленина, Троцкого и Сталина. В сущности это первый раз, где нам приходится встречать объединение трех названных лиц именем триумvirата. Можно сказать с уверенностью, что эта идея триумvirата возникла в уме Иремашвили лишь значительно позже, когда Сталин выдвинулся на первый план. Однако же, крупица истины, по крайней мере формальной, в словах Иремашвили есть. В связи с переговорами в Брест-Литовске несчетно цитируются слова Ленина «посоветуюсь со Сталиным и дам отчет». Дело в том, что такая тройка в некоторые моменты действительно существовала, хотя и не всегда с участием Сталина.

Не надо, однако, представлять себе, что дело шло о «триумвирате». ЦК собирался часто и разрешал все важные и особенно спорные вопросы. Тройка нужна была для неотложных практических решений в связи с ходом восстания в провинции, попыткой Керенского войти в Петроград, продовольствием столицы и прочее. Тройка существовала по крайней мере номинально, до переезда правительства в Москву.

Важнейшие решения того периода достигались нередко соглашением Ленина со мной. Но на тот случай, если такое соглашение не было достигнуто, нужен был третий. Зиновьев находился в Петербурге, Каменев также далеко не всегда в Москве. Кроме того, он, как и другие члены Политбюро и ЦК, отдавали значительную часть своего времени агитации. Сталин был свободнее всех членов Политбюро от агитации, руководства Советами и проч. Вот почему до его отъезда в Царицын он выполнял обычно обязанности «третьего». Ленин очень строго соблюдал форму и потому, естественно, не брал на себя отвечать от собственного лишь имени. Вообще не редкие в новейшей литературе замечания о том, как Ленин предписал, приказал и проч., представляют перенесение порядка сталинского режима на тот период, когда о них не было еще и речи. Директивы могло давать, тем более приказывать, только Политбюро, а за отсутствием полного состава, тройка, которая составляла кворум пятичленного бюро. Во время отсутствия Сталина Ленин с такой же

скрупулезностью совещался с Крестинским, секретарем ЦК, и в архивах можно найти несомненно не мало письменных ссылок на такие совещания.

Правда, Зинаида Орджоникидзе в своих воспоминаниях «Путь большевика» пишет: «Восемь дней после этого я не имела от Серго никаких известий. Это очень волновало меня. Из Питера доходили слухи о каких-то событиях, поговаривали, что власть перешла в руки большевиков, что во главе восставших стоят Ленин и Сталин...» Эта свидетельница впервые выехала за пределы своей сибирской родины в 1917 г., и поезд, который она увидела тогда в первый раз в жизни, произвел на нее большее впечатление, чем революция. Проведя дни петроградского восстания на Кавказе, она свидетельствует теперь, что во главе восстания стоял Ленин и Сталин. Вряд ли во всей кавказской печати того времени можно хоть раз встретить имя Сталина.

В этот период нередко говорили о дуумвирате. Во время гражданской войны Демьян Бедный написал стихи о «нашей двойке». О триумвирате не говорил никто. Во всяком случае, если б кто-нибудь употребил этот термин, то третьим, в качестве председателя ЦИК, значился бы не Сталин, а Свердлов, очень популярный в качестве председателя ЦИК, подписывавший все важнейшие декреты. Помню, жалуясь на недостаточный авторитет московского распоряжения на местах, Свердлов говорил мне как-то: «На местах признают только три подписи: Ильича, вашу да еще немнож-

КО МОЮ».

Ф. Самойлов в книге «По следам минувшего» (стр. 300) пишет: «Меньшевистский секретарь (С. М. Зарецкая) нас определенно игнорировала, а мы, не доверяя ей, в свою очередь, старались как можно меньше к ней обращаться и вместо нее обращались к нашим петроградским товарищам, виднейшим партработникам, которые и консультировали нас по всем интересовавшим нас вопросам. Этими товарищами в то время были: М. Н. Крестинский, Н. Д. Соколов, М. С. Ольминский, М. А. Савельев, К. Н. Самойлова, Я. М. Свердлов, Сталин, А. С. Бубнов, Каменев и некоторые другие. Они участвовали на различных наших совещаниях по возникавшим у нас от времени до времени разным вопросам и на общих заседаниях фракции давали нам всякие советы, писали речи».

Опять интересен порядок имен: никто никогда не ставил Сталина на первое, ни даже на одно из первых мест. Между тем воспоминания вполне благонадежного автора опубликованы в 1934 году. Сейчас цензура ни в коем случае не пропустила бы такой список. Остается еще отметить, что из перечисленных лиц четыре умерли естественной смертью, два расстреляны (Крестинский, Каменев), один таинственно «исчез» (Бубнов); соратником Сталина остается один Савельев, который стал одним из главных фальсификаторов истории.

Когда я в начале мая прибыл в Петроград, я вряд ли пом-

нил имя Сталина. В большевистской прессе я, вероятно, встречал это имя под статьями, которые вряд ли останавливали на себе мое внимание. Первые встречи были с Каменевым, Лениным, Зиновьевым. С ними велись переговоры о слиянии. Ни на заседаниях Совета, или Центрального Исполнительного Комитета, ни на многочисленных митингах, занимавших значительную часть моего времени, я Сталина не встречал, т. е. я сразу вошел в тесное общение с ним уже по работе в Центральном Исполнительном Комитете. Я потерял Сталина и из числа второстепенных членов Центрального Комитета, таких как Бубнова, Милютина, Ногина и др.

В первое Политбюро вошли Ленин, Сталин, Троцкий, Каменев, Крестинский. Кандидатами были Бухарин, Зиновьев, Калинин. В первое Оргбюро вошли Сталин, Белобородов, Серебряков, Стасова и Крестинский.

Центральный Комитет имел не менее двух пленарных заседаний в месяц в заранее установленные дни. Все наиболее важные политические и организационные вопросы, не требующие самого спешного разрешения, обсуждались на этих пленарных собраниях Центрального Комитета.

Центральный Комитет организовал, во-первых, Политическое Бюро, во-вторых, Организационное Бюро, в-третьих, – Секретариат.

Политическое бюро состояло первоначально из 5 членов Центрального Комитета. Все остальные члены ЦК, имеющие возможность участвовать в том или ином заседании Полити-

ческого Бюро, пользовались в заседании Политического Бюро совещательным голосом. Политическое Бюро принимало решения по вопросам, не терпящим отлагательства, и о всей своей работе за две недели делали отчет очередному пленарному собранию Центрального Комитета.

Считалось, что Организационное Бюро состоит из 5 членов Центрального Комитета. Каждый из членов Организационного Бюро заведует соответствующим отделом работы. Организационное Бюро собирается не реже 3 раз в неделю. Организационное Бюро направляет всю организационную работу партии. Организационное Бюро отчитывается перед пленумом ЦК каждые две недели.

Секретарь ЦК, Крестинский, входил в Политбюро и в Организационное Бюро, создавая между ними необходимую связь. Согласно уставу, Политбюро «принимает решения по вопросам, не терпящим отлагательства». Но таковы были, по сути, все вопросы. Естественно, если руководство сосредоточивалось в руках Политбюро. Оргбюро и секретариат сохраняли совершенно подчиненное положение, за исключением тех случаев, когда в самом Политбюро возникали острые разногласия. ЦК в целом шел обычно за Политбюро.

24 сентября ЦК постановляет: «Председателем Совета проводить Троцкого». И позже, когда группа эсеров решила в декабре «срезать большевистскую головку», им, по рассказу Бориса Соколова, одного из заговорщиков, «представлялось ясным, что наиболее зловредными и важными боль-

шевиками являются Ленин и Троцкий. Надо начать именно с них». Обвинительный акт 1938 г. приписывал Бухарину план убийства Ленина, Сталина, Свердлова в 1918 г., когда Бухарин и его группа противились подписанию Брестского договора. В 1918 году Сталин был настолько второстепенной фигурой, что самому закланному террористу не пришло бы в голову выбрать его жертвой. В этой своей части процесс имеет задачей проектировать нынешнее бюрократическое величие Сталина на прошлое.

«В президиум Предпарламента, – гласят протоколы ЦК, – от большевиков вошли Троцкий и Каменев». А в Учредительное собрание Сталин предлагал выставить «кандидатуры тов. Ленина, Зиновьева, Коллонтай, Троцкого и Луначарского». Это те пять лиц, которые выставлялись от имени всей партии. Напомним, что только две недели тому назад Троцкий вместе с меньшевиками и эсерами требовал будто бы явки Ленина на суд. Отметим здесь же, что через десять лет в юбилейном номере «Правды», целиком посвященном июльским дням, имя Сталина, тогда уже первого лица в стране, не названо ни разу: память еще не успела перестроиться. Понадобилось еще несколько лет, чтоб отвести Сталину то место в событиях, какое указал он сам.

В списке большевистских кандидатов в Учредительное собрание, возглавляемым Лениным, имя Сталина стоит на восьмом месте. Первые двадцать пять кандидатов являются официальными кандидатами ЦК. Список выработывал-

ся комиссией под руководством трех членов ЦК: Урицкого, Сокольникова и Сталина. Ленин резко протестовал против списка: слишком много сомнительных интеллигентов, слишком мало надежных рабочих. В протоколах указывалось: "Совершенно недопустимо также непомерное число кандидатов из малоиспытанных лиц, совсем недавно примкнувших к нашей партии (вроде Ю. Ларина). Заполняя список такими кандидатами, кои должны бы сначала месяцы проработать в партии, Центральный Комитет открывает настежь двери для карьеризма, для погони за местечками в Учредительном собрании. Необходим экстренный пересмотр и исправление списка...

Само собою понятно, что из числа межрайонцев, совсем мало испытанных на пролетарской работе в *направлении* нашей партии, никто не оспорил бы такой, например, кандидатуры, как Л. Д. Троцкого, ибо, во-первых, Троцкий сразу по приезде занял позицию интернационалиста; во-вторых, боролся среди межрайонцев за слияние; в-третьих, в тяжелые июльские дни оказался на высоте задачи и преданным сторонником партии революционного пролетариата. Ясно, что нельзя этого сказать про множество внесенных в список вчерашних членов партии..." («Первый легальный П. К. большевиков в 1917 году». Ленинградский Истпарт, стр. 305–306).

В первые месяцы Сталин вместе с Каменевым, Сокольниковым и другими, входит во всякого рода делегации ЦК

для переговоров с другими партиями и организациями, входит в бюро большевистской фракции Учредительного Собрания, разоблачает в печати Украинскую Раду, защищает перед ЦИК декрет о независимости Финляндии, ведет сношения со своим старым соперником Степаном Шаумяном, который назначен теперь «чрезвычайным комиссаром по делам Кавказа».

В качестве представителя партии Сталин участвует в конце января 1918 г. в совещании представителей нескольких иностранных социалистических партий в Петрограде, где присутствовали: И. Сталин (ЦК РКП(б)), Хеглунд и Гримлунд (Шведская марксистская левая партия), Ниссен (Норвежская с.-д. партия), Натансон и Устинов (левые эсеры), Петров (Британская социалистическая партия), Я. Долецкий (ЦК с.-д. Польши и Литвы), Бужор (румынские с.-д.), Радосевич (югославские с.-д.), Б. Рейнштейн (Американская Социалистическая Рабочая партия), Айкуни (Армянская с.д.) и др. Совещание, обсудив вопрос о созыве левой интернационалистической конференции, пришло к выводу, что "международная социалистическая конференция... должна быть созвана при следующих условиях: 1. Согласие партий и организаций стать на путь революционной борьбы против «своих» правительств за немедленный мир; 2. Поддержка Октябрьской российской революции и Советской власти («Правда» № 23, 6 февраля (24 января) 1918 года). Совещание кроме того избрало Интернациональное Бюро.

«Когда в октябре 1917 г. собрался съезд Финляндской социалистической партии, – пишет Пестковский, – и встал вопрос, за кем пойдет рабочий класс Финляндии, ЦК большевиков отправил на этот съезд в качестве своего представителя Сталина». Причина была та, что никого другого из вождей партии нельзя было в те дни отрывать от работы. Ни Ленин, ни Троцкий, ни Свердлов не могли отлучиться из Петрограда, с другой стороны, Зиновьев и Каменев совершенно не подходили в этот период для задачи поднятия восстания в Финляндии. Кандидатура Сталина являлась наиболее существенной. На этом именно съезде Сталин, по-видимому впервые, познакомился с Таннером, с которым ему пришлось 22 года спустя вести переговоры накануне советско-финляндской войны.

В качестве члена Политбюро Сталин был включен в делегацию от РКП, но это включение имело чисто номинальный характер, в работе Конгресса Сталин не принимал участия. Представителями от РКП(б) были Ленин, Сталин, Троцкий, Зиновьев, Бухарин и Чичерин, и с совещательным голосом – Воровский и Осинский.

Во время Брест-Литовских переговоров распущено было Учредительное Собрание. Инициатива принадлежала Ленину, как и выработка соответствующего декрета. Вопрос о роспуске Учредительного Собрания был предрешен на частном совещании членов Совета народных комиссаров, происходившем вечером 18 (5) января в Таврическом дворце.

На этом же совещании Ленин набросал тезисы декрета о роспуске Учредительного собрания. Днем 19 (6) января вопрос о его роспуске рассматривался на заседании Совета народных комиссаров; на этом заседании были утверждены тезисы Ленина, легшие в основу декрета. Несколько поправок в написанный Лениным проект декрета было внесено И. В. Сталиным. Декрет о роспуске был оглашен на заседании ВЦИК В. А. Карелиным и принят ВЦИК в 1 ч. 30 м. ночи на 20 (7) января.

В ночь на 8 (21) ноября Духонину отправлена радиограмма за подписью Ленина, Троцкого, Крыленко с предложением немедленно открыть переговоры о перемирии. С тех пор вопрос о сепаратном мире неоднократно обсуждался в ЦК.

Протокол совещания 21 (8) января не сохранился; в архиве Института Ленина сохранилась лишь запись выступлений противников сепаратного мира, которую вел Ленин карандашом на обороте «тезисов». (Имеется запись речей В. В. Оболенского-Осинского, Л. Д. Троцкого, Г. И. Ломова. Е. А. Преображенского, Л. Б. Каменева и В. Н. Яковлевой). На совещании присутствовало 63 человека, из которых абсолютное большинство (32 голоса) высказалось за революционную войну, точка зрения Л. Д. Троцкого – ни война, ни мир – получила 16 голосов и Ленина – 15 голосов.

Вопрос о мире обсуждался затем на заседании ЦК партии 24 (11) января. На этом заседании Ленина поддерживали И. В. Сталин, Г. Е. Зиновьев, Г. Я. Сокольников, Артем (Сер-

геев); за революционную войну высказывались Г. И. Ломов, Н. Н. Крестинский; за точку зрения Л. Д. Троцкого, кроме него самого, – Н. И. Бухарин и М. С. Урицкий. На голосование было поставлено три предложения: Ленина – «мы всячески затягиваем подписание мира» – (за 12, против 1), Л. Д. Троцкого – «собираемся ли мы призывать к революционной войне?» (за 2, против 11, воздержавшихся 1); и «мы войну прекращаем, мира не заключаем, армию демобилизуем» (за 9, против 7).

Протоколы 1918 года, несмотря на неполноту и тенденциозную обработку, дают и в этом вопросе неопределимые указания. В заседании 11 января тов. Сергеев (Арте́м) указывает, что все ораторы согласны в том, что нашей социалистической республике грозит гибель при отсутствии социалистической революции на Западе. Сергеев стоял на позиции Ленина, т. е. за подписание мира. Никто Сергееву не противоречит. Все три борющиеся группы апеллируют наперебой к одной и той же общей посылке: без мировой революции нам несдобровать.

В заседании 11 января Сталин обосновывал необходимость подписания сепаратного мира тем, что «революционного движения на Западе нет, нет фактов, а есть только потенция, а с потенцией мы не можем считаться». Еще весьма далекий от теории социализма в отдельной стране, он, однако, явно обнаруживает в этих словах свое органическое недоверие к интернациональному движению. «С потенцией

мы не можем считаться!»

Не может считаться! Ленин сейчас же отмежевывается от сталинской поддержки: революция на Западе еще не началась, это верно; «однако если бы в силу этого мы изменили свою тактику, то мы явились бы изменниками международному социализму».

«Заседание (24) 11 января 1918 г. Тов. Сергеев (Артем) указывает, что все ораторы согласны в том, что нашей социалистической республике грозит гибель при отсутствии социалистической революции на Западе» (стр. 206).

Член ЦК Артем свидетельствует: все члены ЦК солидарны в том, что без социалистической революции в Европе советская республика погибнет. Таким образом «троцкизм» в это время безраздельно господствовал в Центральном Комитете партии. И чего только смотрел Сталин? Почему молчал?

"Заседание 23 февраля 1918 г. тов. Сталин... «мы тоже ставим ставку на революцию, но вы рассчитываете на недели, а на месяцы» (стр. 210).

«Так в оригинале», – притворяется Савельев непонимающим. Но мысль Сталина совершенно ясна: «Мы тоже ставим ставку на революцию, но вы рассчитываете на недели, а мы – на месяцы». Это вполне соответствует тогдашним настроениям и, в частности, словам Артема о том, что все члены ЦК были согласны в одном: без победы международной революции в ближайшее время (по Сталину – в ближайшие месяцы)

советская власть не устоит.

В течение нескольких лет Сталин и все его Куусинены распространяют во всем мире версию, будто Троцкий самовольно и против ЦК решил в Бресте мира не подписывать. Сталин брался даже доказать это в печати. Теперь мы имеем официальное показание протоколов.

«Заседание 24/11 января 1918 г. Тов. Троцкий предлагает поставить на голосование следующую формулу: мы войну прекращаем, мира не заключаем, армию демобилизуем. Ставится на голосование. За – 9, против – 7» (стр. 207).

Кажется, достаточно ясно?

На следующий день 25 (12) января вопрос о мире обсуждался на соединенном заседании Центральных Комитетов большевиков и левых эсеров. Большинство голосов было принято постановление предложить на рассмотрение съезда Советов формулу: «войны не вести, мира не подписывать».

Свои тезисы Ленин, по-видимому, первоначально предполагал опубликовать вскоре после партийного совещания и начал даже писать к ним послесловие (имеется в архиве Института Ленина). Но так как точка зрения Ленина не была принята ЦК партии, тезисы были опубликованы в «Правде» только 24 февраля, после того, как ЦК принял предложение Ленина о необходимости подписания сепаратного мира. При опубликовании тезисов Ленин сопроводил их вводной статьей: «К истории вопроса о несчастном мире».

14 (27) января в связи с мирными переговорами в Брест-

Литовские были массовые забастовки в Германии и Австро-Венгрии с требованием скорейшего мира и улучшения продовольственного положения. Что германцы «не смогут наступать», этот довод миллионы уже раз повторялся в январе и начале февраля 1918 г. противниками сепаратного мира. Самые осторожные из них определяли – примерно, конечно – вероятность того, что немцы не смогут наступать, в 25–33 %.

Как относился Сталин к формуле Троцкого? Вот, что заявил Сталин через неделю после того заседания, где эта формула была принята 9-ю голосами против 7-ми:

«Заседание 1 февраля (19 января) 1918 г. т. Сталин... выход из тяжелого положения дала нам средняя точка – позиция Троцкого» (стр. 214).

Приходится удивляться, как эти слова Сталина, несмотря на недреманное око Савельева, сохранились в протоколе: ведь они же не оставляют камня на камне во всей позднейшей многолетней агитации по поводу Брест-Литовского мира. Оказывается, 19 января (1 февраля) Сталин считал, что позиция Троцкого дала партии «выход из тяжелого положения». Слова Сталина станут вполне понятны, если принять во внимание, что в течение всего этого критического периода подавляющее большинство партийных организаций и Советов стояли за революционную войну, и что, следовательно, позиция Ленина могла быть проведена не иначе, как путем партийного и государственного переворота (о чем, конечно,

не могло быть и речи). Таким образом, Сталин отнюдь не ошибался, а только констатировал бесспорный факт, когда говорил, что позиция Троцкого являлась для партии в тот период единственно мыслимым выходом из положения.

10 февраля 1918 г. произошло несколько событий: оглашение советской делегацией на мирной конференции в Брест-Литовске заявления об отказе Советского правительства подписать аннексионистский мир и о прекращении войны с державами Четвертого союза; отъезд советской делегации в Петроград; опубликование приказа верховного главнокомандующего Н. В. Крыленко о прекращении военных действий против держав Четвертого союза и о демобилизации армии. Как же вообще вышло так, что ни одно течение, ни одно направление, ни одна организация нашей партии не были против этой демобилизации? Что же мы – совершенно с ума сошли? Нисколько. Офицеры, не большевики, говорили еще до Октября, что армия не может воевать, что ее на несколько недель на фронте не удержать. Это после Октября стало очевидным для всякого, кто хотел видеть факт, неприглядную горькую действительность, а не прятаться или надвигать себе на глаза шапку и отделяться гордыми фразами. Армии нет, удержать ее невозможно. Лучшее, что можно сделать, – это как можно скорее демобилизовать ее. Это – большая часть русского государственного организма, которая не может выносить долее тяготы этой войны. Чем скорее мы ее демобилизуем, чем скорее она рассосется среди частей,

еще не настолько больных, тем скорее страна может быть готовой для новых тяжелых испытаний. Вот что мы чувствовали, когда единогласно, без малейшего протеста принимали это решение, с точки зрения внешних событий нелепое, – демобилизовать армию. Это был шаг правильный. Мы говорили, что удержать армию – это легкомысленная иллюзия. Чем скорее демобилизовать армию, тем скорее начнется оздоровление всего общественного организма в целом. Вот почему такой глубокой ошибкой, такой переоценкой событий была революционная фраза: «Немец не может наступать», из которой вытекала другая: «Мы можем объявить состояние войны прекращенным. Ни войны, ни подписания мира». Но если немец наступит? «Нет, он не сможет наступать».

Заседания ЦК 18 февраля были целиком посвящены вопросу о том, как реагировать на начавшееся немецкое наступление.

После разрыва переговоров в Бресте 10 февраля и оглашения русской делегацией декларации о прекращении войны и неподписании мира в Германии окончательно победила «военная партия» – партия крайних аннексионистов. На совещании в Гамбурге 13 февраля, происходившем под председательством императора Вильгельма, была принята предложенная им формулировка: «Неподписание Троцким мирного договора автоматически влечет за собой прекращение перемирия». 16 февраля германское военное командование официально сообщило Советскому правительству о прекра-

щении перемирия с Советской республикой с 12 часов дня 18 февраля, нарушив, таким образом, договор о том, что предупреждение о прекращении перемирия должно быть сделано за семь дней до начала военных действий.

Вопрос о том, как реагировать на немецкое наступление, обсуждался на заседании ЦК партии вечером 17 февраля. Немедленное предложение Германии вступить в новые переговоры для подписания мира было отвергнуто 6 голосами против 5; с другой стороны, «за революционную войну» не голосовал никто, причем Н. И. Бухарин, Г. И. Ломов и А. А. Иоффе «отказались от голосования в такой постановке вопроса». Большинством голосов было принято решение «выждать с возобновлением переговоров о мире, пока в достаточной степени не проявится наступление и пока не обнаружится его влияние на рабочее движение». Единогласно при трех воздержавшихся было принято следующее постановление: «Если мы будем иметь как факт немецкое наступление, и революционного подъема в Германии и Австрии не наступит, – заключаем мир».

18 февраля началось наступление немцев. ЦК партии заседал весь день – с небольшими перерывами (на одном из протоколов указано время – «вечером», два другие более точно не датированы). На первом заседании, после выступления Ленина и Г. Е. Зиновьева за подписание мира и Л. Д. Троцкого и Н. И. Бухарина – против, – предложение: «немедленно обратиться с предложением о возобновлении мирных

переговоров» было отвергнуто 7 голосами против 6. На втором, вечернем, заседании после выступлений Ленина, И. В. Сталина, Я. М. Свердлов и Н. Н. Крестинского за возобновление переговоров о мире, М. С. Урицкого, Н. И. Бухарина и Г. И. Ломова – против, и Л. Д. Троцкого, предложившего – не возобновлять переговоры о мире, но затребовать от немцев сформулированные требования, – был поставлен на голосование вопрос: «следует ли немедленно обратиться к немецкому правительству с предложением немедленного заключения мира?» Это предложение было принято 7 голосами (Ленин, И. Т. Смилга, И. В. Сталин, Я. М. Свердлов, Г. Я. Сокольников, Л. Д. Троцкий, Г. Е. Зиновьев), против – 5 (М. С. Урицкий, Г. И. Ломов, Н. И. Бухарин, А. А. Иоффе, Н. Н. Крестинский) при 1 воздержавшемся (Е. Д. Стасова).

Далее было решено сейчас же дать точную формулировку принятого решения и выработать текст обращения к немецкому правительству. По предложению Ленина было поставлено на голосование, из каких частей должна состоять телеграмма. За протест голосовали все, 2 воздержалось. За вынужденность мира – все, 2 воздержалось. За готовность подписать старые условия с указанием, что нет отказа от принятия худших предложений: за – 7, против – 4, воздержалось – 2. Выработка самого текста поручена Ленину и Л. Д. Троцкому.

Проект радиогаммы был тогда же написан Лениным и с незначительными поправками Л. Д. Троцкого утвержден

на соединенном заседании ЦК большевиков и левых эсеров и послан за подписью Совнаркома в ночь на 19 февраля в Берлин.

Ответ на советскую радиограмму с изложением немецких условий мира был получен в Петрограде в 10, 1/2 час. утра. Условия мира, по сравнению с предъявленными 10 февраля, были значительно ухудшены. Лифляндия и Эстляндия должны были быть немедленно очищены от Красной армии, и в них вводилась немецкая полиция; Россия обязывалась заключить мир с буржуазными Украинским и Финляндским правительствами и т. д.

Вопрос о принятии немецких условий мира обсуждался 23 февраля сперва на заседании ЦК РСДРП(б), затем на соединенном заседании ЦК РСДРП и ЦК левых эсеров, на соединенном заседании фракций большевиков и левых эсеров ВЦИК и, наконец, на пленарном заседании ВЦИК.

На заседании ЦК РСДРП(б) за принятие этих условий и подписание мира выступали Ленин, Г. Е. Зиновьев, Я. М. Свердлов и Г. Я. Сокольников; против – Н. И. Бухарин, Ф. Э. Дзержинский, М. С. Урицкий, Г. И. Ломов, Л. Д. Троцкий заявил, что «если мы имели бы единодушие, мы могли бы взять на себя задачу организации обороны, мы могли бы справиться с этим... Но нужно было бы максимальное единство. Раз его нет, я на себя не возьму ответственности голосовать за войну». ЦК постановил 7 голосами против 4 при 4 воздержавшихся: 1) принять немедленно германское пред-

ложение, 2) единогласно – готовить немедленно революционную войну и 3) единогласно при трех воздержавшихся – произвести немедленно опрос советских избирателей Петербурга и Москвы для выяснения отношения масс к заключению мира.

А какова же была позиция самого Сталина? "Заседание 23 февраля 1918 г. Тов. Сталин. Можно не подписывать, но начать мирные переговоры. Тов. Ленин... Сталин неправ, когда он говорит, что можно не подписывать. Эти условия надо подписать. Если вы их не подпишите, то вы подпишите смертный приговор советской власти через 3 недели.

Тов. Урицкий возражает Сталину, что условия надо принять или нет, но вести теперь еще переговоры нельзя" (стр. 249).

Для всякого знакомого с положением вещей в тот момент ясна безнадежная путаница, вытекавшая из отсутствия у него какой бы то ни было продуманной позиции. Уже к 18-му февраля немцы взяли Двинск. Их наступление развертывалось с чрезвычайной быстротой. Политика оттяжек была исчерпана без остатка. Сталин предлагает 23 февраля мира не подписывать, а... вести переговоры.

Сталин выступает снова, второй раз, чтобы защищать на этот раз необходимость подписать договор. Он пользуется случаем, чтоб поправиться также и в вопросе о международной революции: «Нам важно задержаться до появления общей социалистической революции, а этого мы можем до-

стигнуть, только заключив мир». Смысл Брестской капитуляции исчерпывался для Ленина словом «передышка». Протоколы свидетельствуют, что после ленинского предложения Сталин искал случая поправиться. На заседании 23 февраля 1918 года он заявил: «Мы тоже ставим ставку на революцию, но вы рассчитываете на недели, а (мы) – на месяцы».

Никакой самостоятельной позиции в период Брестских переговоров Сталин не занимал. Он колебался, выжидал, отмалчивался. В последний момент голосовал за предложение Ленина. Путанная и беспомощная позиция Сталина в тот период достаточно ярко, хотя и не полно, характеризуется даже официально обработанными протоколами ЦК.

Он выжидал и комбинировал. «Старик все еще надеется на мир, – кивал он мне в сторону Ленина, – не выйдет у него мира». Потом он уходил к Ленину и делал, вероятно, такие же замечания по моему адресу. Сталин никогда не выступал. Никто его противоречиями особенно не интересовался. Несомненно, что главная моя задача сделать наше поведение в вопросе о мире как можно более понятным мировому пролетариату, было для Сталина делом второстепенным. Его интересовал «мир в одной стране», как впоследствии – «социализм в одной стране». В решающем голосовании он присоединился к Ленину. Лишь несколько лет спустя, в интересах борьбы с троцкизмом, он выработал для себя некоторое подобие «точки зрения» на брестские события:

"Все контрреволюционеры, начиная от меньшевиков и эсе-

ров и кончая самыми отъявленными белогвардейцами, вели бешеную агитацию против подписания мира. Их линия была ясна: они хотели сорвать мирные переговоры, спровоцировать наступление немцев и поставить под удар неокрепшую еще Советскую власть, поставить под угрозу завоевания рабочих и крестьян.

Их союзниками в этом деле оказались Троцкий и его сподручный Бухарин, который вместе с Радеком и Пятаковым возглавлял враждебную партии группу, именовавшую себя для маскировки группой «левых коммунистов». Троцкий и группа «левых коммунистов» повели внутри партии ожесточенную борьбу против Ленина, требуя продолжения войны. Эти люди явно играли на руку германским империалистам и контрреволюционерам внутри страны, так как вели дело к тому, чтобы поставить молодую, не имевшую еще армии, Советскую республику под удар германского империализма.

Это была какая-то провокаторская политика, искусно маскируемая левыми фразами.

10 февраля 1918 года мирные переговоры в Брест-Литовске были прерваны. Несмотря на то, что Ленин и Сталин от имени ЦК партии настаивали на подписании мира, Троцкий будучи председателем советской делегации в Бресте, предательски нарушил прямые директивы большевистской партии. Он заявил об отказе Советской республики подписать мир на предложенных Германией условиях и в то же

самое время сообщил немцам, что Советская республика вести войну не будет и продолжает демобилизацию армии.

Это было чудовищно. Большого не могли требовать немецкие империалисты от предателя интересов Советской страны.

Ленин назвал это решение «странным и чудовищным».

В то время партии не была еще ясна действительная причина такого антипартийного поведения Троцкого и «левых коммунистов». Но как это установил недавно процесс антисоветского «право-троцкистского блока» (начало 1938 года), Бухарин и возглавляемая им группа «левых коммунистов» совместно с Троцким и «левыми» эсерами, оказывается, состояли тогда в тайном заговоре против Советского правительства. Бухарин, Троцкий и их сообщники по заговору, оказывается, ставили себе цель – сорвать брестский мирный договор, арестовать В. И. Ленина, И. В. Сталина, Я. М. Свердлова, убить их и сформировать новое правительство из бухаринцев, троцкистов и «левых» эсеров”.

В современных исторических исследованиях можно на каждом шагу встретить праздник: в Брест-Литовске Троцкий не выполнил инструкции Ленина, на Южном фронте Троцкий пошел против директивы Ленина, на Восточном фронте Троцкий действовал вразрез с указаниями Ленина и пр. и пр. Прежде всего надо отметить, что Ленин не мог давать мне личных директив. Отношения партии были со-

всем не таковы. Мы оба были членами ЦК, который разрешал все разногласия. Если между мной и Лениным было то или другое разногласие, а такие разногласия бывали не раз, вопрос автоматически переходил в Политбюро, и оно выносило решение. Следовательно, с формальной стороны тут не шло никаким образом речи о нарушении мной директив Ленина. Никто не отваживается сказать, что я нарушил постановление Политбюро или ЦК. Это только одна сторона дела, формальная.

По существу же нельзя не спросить: были ли основания выполнять директивы Ленина, который во главе военного ведомства поставил меня – лицо преступное и не совершавшее ничего, кроме ошибок и преступлений; во главе всего народного хозяйства поставил Рыкова, реставратора капитализма, будущего агента фашизма и пр.; во главе Коммунистического Интернационала поставил будущего фашиста и изменника Зиновьева, во главе центрального органа партии и в качества одного из руководителей Коммунистического Интернационала будущего фашистского бандита Бухарина и т. д. и т. п. Или Ленин столь роковым образом ошибался в оценке своих ближайших сотрудников, которых он знал в течение десятков лет?

8 марта, на 7-ом съезде, Ленин говорил:

«Дальше я должен коснуться позиции тов. Троцкого. В его деятельности нужно различать две стороны: когда он начал переговоры в Бресте, великолепно использовав их для аги-

тации, мы все были согласны с тов. Троцким. Он цитировал часть разговора со мной, но я добавлю, что между нами было условлено, что мы держимся до ультиматума немцев, после ультиматума мы сдаем. Немец нас надул: из семи дней он пять украл. Тактика Троцкого, поскольку она шла на затягивание, была верна: неверной она стала, когда было объявлено состояние войны прекращенным, и мир не был подписан... Я предложил совершенно определенно мир подписать. Лучше Брестского мира мы получить не могли. Всем ясно, что передышка была бы в месяц, что мы не проиграли бы. Поскольку история отмела это, об этом не стоит вспоминать».

Было глубокое различие между политикой Ленина во время Брест-Литовского кризиса и политикой Сталина, который стоял ближе к Зиновьеву. Надо сказать, что Зиновьев один имел мужество требовать немедленного подписания мира, предсказывая, что затяжка переговоров поведет к ухудшению мирных условий, вернее сказать, пугая нас этим. Никто из нас не сомневался, что с точки зрения «патриотической» выгоднее подписать условия немедленно, но Ленин считал, что затягивание мирных переговоров есть революционная агитация и что задачи международной революции стоят над патриотическими соображениями от территориальных и иных условий мирного договора. Для Ленина вопрос сводился к передышке в борьбе за международную революцию. Сталин считал, что международная революция будет «потенция», с которой мы считаться не можем. Он вно-

сил, правда, позже в эти слова поправки, чтобы противопоставлять себя другим. Но по существу международная революция в те дни, как и значительно позже, оставалась для него безжизненной формулой, с которой ему нечего было делать в практической политике.

Именно во время этого кризиса ясно видно было, что факторы мировой политики являются для Сталина рядом неизвестных величин. Он их не знал, и они его не интересовали. В германском рабочем классе шли страстные прения в передовых слоях о том, почему большевики вступили в переговоры и готовятся к заключению мира. Было не мало голосов в том смысле, что большевики и правительство Гогенцоллерна играют комедию с заранее распределенными ролями. Борьба за революцию требовала доказать этим рабочим, что мы не можем поступить иначе, что враг наступает нам на затылок, что мы вынуждены подписать мирный договор, именно поэтому немецкое наступление являлось самым очевидным доказательством вынужденного характера договора. Одного ультиматума с Германией было недостаточно: ультиматум мог тоже входить в заранее условленную игру. Другое дело – продвижение германских войск, захват городов, военного имущества. Мы теряли огромные ценности. Но мы выигрывали в политической доверии рабочего класса всего мира. Таков был смысл разногласия.

СТАЛИН В НАРКОМНАЦЕ

2 (15) ноября опубликована за подписью Ленина и Сталина «Декларация прав народов России», объявляющая, что национальную политику советской власти будут направлять четыре принципа: 1) равенство всех народов России; 2) право на отделение и образование самостоятельного государства; 3) отмена всех национальных ограничений; 4) свободное развитие национальных меньшинств в составе каждого из народов. Текст самого документа, несущего на себе, несмотря на краткость, черты тяжеловесности, был, видимо, очищен рукою Ленина. На тексте этого исторического документа есть поправки, внесенные Бухариным и Сталиным. «Большинство их поправок, – гласит комментарий к сочинениям Ленина, – не имеет принципиального характера».

В этот первый хаотический период работа еще не поделена, роли не определились. Время административной работы комиссара национальностей еще не пришло. В агитации Сталин не участвует. Он выполняет разные поручения, помогая в текущей работе Ленину. Позже он сам говорил о себе, как о члене штаба Ленина. Это было бы не лишено меткости, если б работа Сталина отличалась большей систематичностью.

Наряду с вождями партии и страны имелись вожди, так сказать, ведомственного значения. Таким вождем стал Сталин в области отсталых национальностей. На различных

съездах отсталых национальностей, на съездах, посвященных национальному вопросу, имя Сталина включается в список вождей, правда, на последнем месте.

27 ноября 1919 г. открылся в Москве Второй Всероссийский съезд мусульманских коммунистических организаций народов Востока. Съезд был открыт Сталиным от имени Центрального Комитета партии. Почетными членами были избраны четыре лица: Ленин, Троцкий, Зиновьев и Сталин.

Председатель съезда Султан-Галиев, один из тех, который плохо впоследствии кончил, предложил съезду приветствовать Сталина как «одного из тех бойцов, которые горят огнем ненависти к международному империализму».

Однако крайне характерен для тогдашней градации вождей тот факт, что общая политическая резолюция по докладу Султан-Галиева заключается приветствием: «Да здравствует Российская коммунистическая партия... да здравствуют ее вожди Ленин и Троцкий». Даже этот съезд народов Востока, проходивший под непосредственным руководством Сталина, не считал нужным включить Сталина в число вождей партии.

В апреле происходит в Москве Первый Всероссийский съезд чувашских коммунистических секций. Почетный президиум состоит из тех же четырех лиц: Ленин, Троцкий, Зиновьев и Сталин. Описывая открытие съезда, журнал Народного комиссариата национальностей указывает, что на стенах красовались портреты вождей мировой революции: Кар-

ла Маркса, Ленина, Троцкого и Зиновьева.

Первый съезд коммунистов-чувашей происходил в апреле 1920, следовательно, через два с лишним года после установления советской власти. В этот период портретов Сталина еще не существовало, они нигде не вывешивались, и никому не пришло в голову украсить хотя бы зал съезда, который целиком входил в сферу деятельности самого Сталина.

В июле 1920 г. собирается 2-ой конгресс Коминтерна. На этом конгрессе обсуждается национальный и колониальный вопросы. Тезисы по национальному и колониальному вопросам выработывает Ленин, ему же принадлежит руководство работой комиссии по национальному и колониальному вопросам, он делает на заседании 2-го конгресса 6 июля доклад от имени комиссии по национальному и колониальному вопросам. Никому не могло прийти в голову поручить составление тезисов или доклад по национальному вопросу Сталину. Принимал ли он участие в комиссии по национальному вопросу? Курьез, что биограф Сталина Суварин решительно, поскольку в теоретической области решительность ему свойственна, отвергает принцип права наций на самоопределение, принцип, лежащий в основе Наркомнаца и соответственной деятельности Сталина. В то же время Суварин решительно выступает за принцип демократии в противовес диктатуре. Бедному автору не приходит в голову, что принцип демократии в применении к национальной области не означает право на самоопределение. Если демократия есть

власть народа, то очевидно, что народ должен «иметь право» организовать свою власть сообразно со своими национальными интересами, как он их понимает. Сказать, что это не осуществимо, значит попросту не знать, что демократия не осуществима. Действительно идеальная, законченная, действительная демократия оказалась невысказана в капиталистическом обществе, но это вовсе не значит, что она не мыслима вообще со всеми теми ограничениями, которые вносит в нее классовый строй. Точно то же самое относится и к вопросу о национальном самоопределении.

С 16 мая (дата Четвертой украинской конференции), по крайней мере до 20 мая, Сталин принимал участие в различных заседаниях и совещаниях Украинской партии. На 9-ой партийной конференции писал статьи и произносил речи (ленинскому пятидесятилетию и т. д.). К концу этого года (октябрь, ноябрь, декабрь) он занят на всякого рода конгрессах.

7 ноября 1920 г., т. е. в третью годовщину Октябрьского переворота мы застаем Сталина в Баку, где он выступает на торжественном заседании Совета с докладом «Три года пролетарской диктатуры». 13 ноября Сталин выступает с докладом в Дагестане на съезде народов Дагестана для декларации об автономии Дагестана. «Речь т. Сталина, – как сообщает журнал комиссариата национальностей, – во многих местах прерывалась громом аплодисментов, Интернационалом и закончилась бурной овацией».

18-21 декабря происходит Первое Всероссийское совещание представителей автономных республик, областей и пр. Каменский передает совещанию привет от имени Сталина, который не может присутствовать по болезни. Единогласно принимается предложение послать приветствие Сталину.

19 января 1921 года состоялось заседание Совета Национальностей под председательством Сталина. Следовательно, его болезнь, о которой сообщал Каменский 18 декабря, могла начаться не раньше, как в середине ноября, ибо 13 ноября 1920 г. он участвовал на съезде народов Дагестана. Болезнь закончилась до 19 января, когда происходило заседание Совета Национальностей под председательством Сталина. Период болезни мог длиться при этих условиях вместе с периодом выздоровления и отдыха не более двух месяцев. Очевидно, к этому времени относится его операция.

Посты, которые занимал Сталин в первые годы после переворота, и отдельные поручения, преимущественно организационного и дипломатического характера, которые он выполнял, очень разнообразны; но такова была участь большинства ответственных работников того времени. Прямо или косвенно все занимались гражданской войной; рутинные обязанности ложились обычно на ближайших помощников. Сталин числился членом редакции центрального органа, но на деле почти не имел к «Правде» отношения. Более систематическую работу, прерывавшуюся поездками на фронт, он выполнял в комиссариате Национальностей. Со-

ветское государство только формировалось, и установить по-новому взаимоотношения разных национальностей было нелегко. Общее руководство в этой области, не говоря уже об инициативе, принадлежали полностью Ленину, который с давних пор придавал национальному вопросу огромное значение, второе по важности после аграрного. По дневнику его секретариата видно, как часто он принимал разного рода национальные делегации и обращался с письмами, запросами и указаниями по поводу той или другой национальной группы. Все сколько-нибудь принципиальные меры проводились им через Политбюро; менее важные обсуждались по телефону со Сталиным. На комиссариат Национальностей ложилось лишь техническое выполнение уже вынесенных решений.

О работе этого комиссариата опубликованы в 1922 г. и в 1930 г. воспоминания Пестковского, ближайшего помощника Сталина в первые 20 месяцев советского режима.

Старый польский революционер, бывший на каторге, участник Октябрьского восстания, занимавший после победы самые различные должности, в том числе пост советского представителя в Мексике (1924–1926 г.г.), Пестковский долго состоял в одной из оппозиционных групп, но успел своевременно раскаяться. Печать свежего раскаяния лежит на второй части этих воспоминаний, но не лишает их ни свежести, ни интереса.

Инициатива сотрудничества принадлежала Пестковскому, который стучался в разные двери, ища и не находя при-

менения своим скромным способностям. «Тов. Сталин, – сказал я, – вы народный комиссар по делам национальностей? – Я. – А комиссариат у вас есть? – Нет. Ну, так я вам сделаю комиссариат. – Хорошо. А что вам для этого нужно? – Пока только мандат»... Здесь не любящий тратить лишних слов Сталин удалился в управление делами Совнаркома, а через несколько минут вернулся с мандатом".

В одном из уже занятых помещений Смольного Пестковский нашел свободный столик и поставил его у стены, укрепив над ним лист бумаги с надписью: «Народный комиссариат по делам национальностей». Ко всему этому прибавили два стула. «Товарищ Сталин, – сказал я, – денег ни гроша у нас нет». В эти дни новая власть еще не обладала государственным банком. – Много ли нужно? – спросил Сталин. Для начала хватит тысячи рублей. – Придите через час. – Когда я явился через час, Сталин велел мне сделать заем у Троцкого на три тысячи рублей. «У него есть, он нашел их в бывшем министерстве иностранных дел». Я пошел к Троцкому и дал ему форменную расписку на 3 тысячи рублей. Насколько мне известно, Наркомнац до сих пор не возвратил тов. Троцкому этих денег". По тексту конституции народный комиссар считался только председателем коллегии, состоявшей из полдюжины, а иногда и дюжины членов. Руководство ведомством было нелегко. По словам Пестковского «все члены коллегии по национальному вопросу стояли в оппозиции к Сталину, нередко оставляя своего народно-

го комиссара в меньшинстве». Раскаявшийся автор спешит прибавить: «Сталин решил путем упорной работы перевоспитать нас... Здесь он проявил много выдержки и ума». К сожалению, об этой стороне дела Пестковский ничего не пишет. Зато мы узнаем от него, каким своеобразным способом Сталин кончал конфликты со своей коллегией. «Иногда он терял терпение, – рассказывает Пестковский, – но он никогда не обнаруживал этого на собраниях. В тех случаях, когда в результате наших бесконечных дискуссий на совещаниях запас его терпения истощался, он вдруг исчезал. Делал он это чрезвычайно ловко. Сказав: „Я на минутку“, он исчезал из комнаты и прятался в одном из закоулков Смольного и Кремля. Найти его было почти невозможно. Сначала мы его ждали, а потом расходились. Я оставался один в нашем общем кабинете, терпеливо дожидаясь его возвращения. Но не тут-то было. Обычно в такие минуты раздавался телефонный звонок: это Владимир Ильич требовал Сталина. Когда я отвечал, что Сталин исчез, он мне говорил неизменно: „Срочно найти“. Задача была нелегкая. Я отправлялся в длинную прогулку по бесконечным коридорам Смольного и Кремля в поисках Сталина. Находил я его в самых неожиданных местах. Пару раз я застал его на квартире у матроса т. Воронцова, на кухне, где Сталин лежал на диване, курил трубку и обдумывал свои тезисы».

Для перевоспитания своей коллегии народный комиссар применял, надо признать, своеобразные методы. Разгадка

трудного положения Сталина в своей собственной коллегии в том, что он не пользовался авторитетом. Не только народные массы, но даже широкие круги партии не знали его. Он был бесспорным членом штаба большевистской партии, и в этом было его право на частицу власти. Но даже в «коллегии» собственного комиссариата он не пользовался личным авторитетом, а по всем важнейшим вопросам оставался в меньшинстве.

Так как лучшие силы партии ушли на военную и хозяйственную работу, то коллегия комиссариата национальностей состояла из людей малозначительных. Тем не менее они имели навык мобилизовать аргументы, отбивать доводы Сталина и ставить ему вопросы, на которые он не находил ответа. Он имел власть, но этой власти было совершенно недостаточно, чтобы принуждать; приходилось убеждать. Для этого у Сталина не было данных. Противоречие между властью натуры и недостатком интеллектуальных ресурсов создавало для него нестерпимое положение. Он не пользовался авторитетом в собственном ведомстве... Когда его терпение истощалось, он просто прятался «в самых неожиданных местах». Действительно ли он на кухне у коменданта обдумывал свои тезисы, можно сомневаться. Скорее он тяжело переживал про себя обиду и размышлял о том, как хорошо было бы, если бы несогласные не смели возражать. В то время ему, однако, и в голову не приходило, что наступит такой период, когда он будет только приказывать, а все

остальные будут молчать и повиноваться.

Не менее красочно Пестковский описывает поиски помещения для комиссариата национальностей в Москве, куда правительство переехало в марте из Петрограда. "Между ведомствами шла ожесточенная борьба из-за купеческих особняков. Наркомнац сначала не имел ничего. Я нажал на Сталина. На кого он нажал – мне неизвестно, но... по прошествию некоторого времени Наркомнац владел уже несколькими особняками. Центральное ведомство и белорусы поместились на Поварской, латыши и эстонцы на Никитской, поляки на Арбате, евреи на Пречистенке, а татары где-то на Москворецкой набережной. Кроме того, Сталин и я имели кабинеты в Кремле. Сталин оказался весьма недоволен таким положением. «Теперь уж за вами совсем не уследишь. Нужно было бы получить один большой дом и собрать туда всех». Эта идея не оставляла его ни на минуту. Через несколько дней он сказал мне: «Нам дали большую сибирскую гостиницу, но ее самочинно захватил ВСНХ, мы, однако, не отступим. Велите Аллилуевой написать на машинке несколько бумажек следующего содержания: „Это помещение занято Наркомнацем“. Да захватите с собой кнопки». Аллилуева, будущая жена Сталина, состояла машинисткой в комиссариате Национальностей. Вооруженные магическими бумажками и кнопками Сталин и его заместитель отправились в автомобиле в Златоустинский переулок. «Уже темно. Главный ход в гостиницу оказался закрытым. У дверей

красовалась бумажка: „Это помещение занято Высшим Советом Народного Хозяйства“. Сталин сорвал ее, и мы укрепили наше заявление. „Надо проникнуть внутрь“, – сказал Сталин. Задача была нелегкая. С большим трудом мы отыскали черный ход. А электричество почему-то не действовало. Мы освещали себе дорогу спичкой. Во втором этаже мы набрали на длинный коридор. Прикрепили наши записки еще на других дверях. Пора было возвращаться обратно, а спички у нас истощились. Спускаясь в потемках, мы попали в подвал и чуть не свернули себе шеи. Наконец, мы все-таки добрались до автомобиля».

Нужно известное усилие воображения, чтобы представить себе фигуру члена правительства, который в сумерки проникает в здание, занятое другим министерством, срывает одни плакаты и наклеивает другие. Можно сказать наверняка, что никому другому из народных комиссаров или членов ЦК не пришло бы в голову совершить такой шаг. Мы узнаем здесь Кобу эпохи тюремного заключения в Баку. Сталин не мог не знать, что спорный вопрос о здании будет разрешаться в конце концов в Совете Народных Комиссаров или в Политбюро. Проще было бы с самого начала обратиться в одно из этих учреждений. Сталин имел, видимо, основание предполагать, что тяжба будет разрешена не в его пользу, пытался поставить Совнарком перед совершившимся фактом. Попытка сорвалась: здание было передано ВСНХ, как более важному министерству. Сталину снова пришлось затаить обиду про-

тив Ленина.

В 1920 г. власть Сталина была уже неоспоримой, но государственный культ его личности только устанавливался. Этим объясняется то обстоятельство, что в воспоминаниях, несмотря на общий панегирический тон, слышится еще нота фамильярности, и даже допускается оттенок доброжелательной иронии. Через несколько лет, когда чистки и расстрелы установят необходимый пафос дистанций, рассказы о том, как Сталин скрывался на кухне у коменданта или ночью захватывал особняк, будут уже звучать, как непристойный документ, возможно, что автор жестоко поплатился за нарушение этикета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.